

Новые силы в мировой политике

Анна МЕДВЕДЕВА

Реактивные изменения в международной системе

Стремительные перемены и глубокие сдвиги в мировой политике, прежде всего реактивное становление полицентрического мира, заставляют исследователя задуматься о причинах этих явлений и их исторических истоках. Нелишне напомнить, что наиболее проникательные интеллектуалы Запада уже давно предупреждали свои элиты о неизбежном наступлении нового, постамериканского мира.

Так, американский журналист индийского происхождения Ф. Закария в 2008 г., т. е. в разгар общемирового финансово-экономического кризиса, писал, что глобальные изменения, включая качественные сдвиги, происходят постепенно. За последние пять веков подобных изменений, тектонических сдвигов власти, по его мнению, было три.

Первый сдвиг, начавшийся в XV в. и резко ускорившийся в XVIII в.,

был одновременно процессом исторического возвышения Запада. Этот период породил явление современности/модерна с подобающими этому явлению атрибутами – науки и технологии, коммерции и капитализма, промышленных и аграрных революций. Первый этап характеризовался длительным господством исторического Запада под управлением Британии над остальным миром.

Второй сдвиг, согласно автору, начался в последние годы XIX в., его содержанием стало возвышение США и превращение их в «имперского наследника» Древнего Рима с соответствующими экономическими и военно-политическими атрибутами. В течение двух последних десятилетий (в 1990–2000-е гг.) влияние США фактически приобрело униполярный характер – феномен, невиданный в современной истории.

МЕДВЕДЕВА Анна Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Московского авиационного института. *E-mail:* mychel@mail.ru, anna.razinkina@list.ru

Ключевые слова: геэкономика, глобализация, полицентрический мир, глобальный Юг.

Наконец, третий глобальный сдвиг, называемый Ф. Закария «возвышением остальных», происходит на наших глазах и является следствием форсированного экономического роста государств Азии (и не только их). Третий сдвиг фактически создаёт новую международную систему, в которой бывшие объекты и наблюдатели превращаются в реальных мировых игроков, действующих на основе собственных интересов. Иными словами, распределение власти смещается от Америки к другим центрам силы. Однако, надеялся Закария, это не антиамериканский мир, а мир постамериканский, т. е. определяемый и направляемый из многих центров, т. е. не только американцами¹.

Можно сказать, что исторически постамериканский мир является логическим продолжением идеи нелиберальной демократии, предложенной автором* (2003 г.)². Нелиберальная демократия – идея, с которой тогда выступил Ф. Закария, преследовала цель объяснить мыслящей Америке (да и Западу в целом) политическое многообразие современного мира, наличие различных моделей политического представительства и модернизации общества. Автор пытался внушить американскому истеблишменту необходимость уважительного отношения к историческому выбору незападных народов. Как выяснилось, нелибе-

ральная демократия не произвела должного впечатления на западные элиты.

Итак, появление новых реальных сил в мировой политике Ф. Закария констатировал уже 15 лет назад. Так, он фиксирует смещение мировой геоэкономической «оси» на восток, в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона; данный тренд был усилен процессами глобализации, модель которой в конце 80-х – начале 90-х годов отстаивалась именно американцами. В настоящее время в АТР, отмечает Ф. Закария, концентрируется подавляющая часть валютно-финансовых ресурсов мира, и, по расчётам аналитиков-прогнозистов из *Goldman Sachs*, к 2040 г. совокупный ВВП Китая, Индии, Бразилии, России и Мексики может превзойти аналогичные показатели группы G-7³. Автор отмечает, что Индия и Китай, уверенно вошедшие в клуб ведущих энергопотребителей (и уверенно остающиеся там и поныне), способствуют сохранению высокой конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей. При этом уплотняются взаимосвязи между энергетикой и геополитикой. Так, уже в конце нулевых годов вызов американским идеям мирового порядка активно бросили такие страны-энергопроизводители, как Иран, Венесуэла, Россия.

Особое внимание автор уделяет фактору национального самоутверж-

¹ *Zakaria F. The post-American World. N.Y.; L.: W.W. Norton, 2008. – 292 p.*

² *Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y.: W.W. Norton & Company. – 301 p.*

³ *Zakaria F. The post-American World. P. 26.*

* Советскому читателю данный круг идей знаком уже давно, с начала 80-х годов прошлого века, когда увидела свет концепция «авторитарного парламентаризма», разработанная академиком Н.А. Симония (Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 581 с.).

дения народов в постамериканском мире. Ф. Закария в подъёме национализма видит две стороны:

– во-первых, объективные трудности согласования частных/государственных интересов, и в этом смысле «подъём остальных» (или, как говорили в СССР в начале 80-х годов, «превращение объектов в субъекты». – Авт.) способен «предотвратить превращение сил глобального роста в фактор глобального беспорядка и дезинтеграции»⁴;

– во-вторых, США придётся считаться с тем, что в современном мире существует понятие «свобода выбора».

Ф. Закария иллюстрирует этот свой тезис выдержкой из разговора последнего вице-короля Индии лорда Маунтбеттена и Махатмы Ганди. Маунтбеттен: «Если мы уйдём (из Индии. – Авт.), в стране воцарится хаос». Ганди: «Верно, но это будет наш хаос».

Трудно возразить американскому автору в том, что мало кто в современном мире готов согласиться с западной версией нового мирового порядка, который является продолжением *Pax Americana*.

Конечно же, взгляды лидеров США опираются на послевоенный опыт «умиротворения» Германии и Японии, однако сейчас многие страны устанавливают между собой горизонтальные связи, обходясь без помощи американского интегрирующего центра.

Один из примеров подобного рода – взаимодействие четырёх сверхкрупных стран – Индии, Китая, России и Бразилии. К концу первой четверти нынешнего века

список самостоятельных субъектов мировой политики значительно расширился.

Что касается «последней сверхдержавы», то США, как полагал Ф. Закария, сохранят свои позиции наиболее конкурентоспособной экономики мира на обозримую перспективу, в частности, за счёт активной для развитых обществ демографической динамики. (Сегодня такого рода динамика ставит под угрозу целостность американской цивилизации; «плавильный котёл», долгое время работавший исправно, фактически перестал функционировать.) В то же время роль Западной Европы и Японии в мировом хозяйстве, согласно Ф. Закария, будет и дальше снижаться, в том числе и из-за вялости демографических процессов. Противоречивость бытия Америки состоит в том, что США, с одной стороны, останутся на вершине и нового мирового порядка, а с другой – сам новый порядок своей логикой и своей динамикой бросает вызов привилегированному положению Америки в мире. Прогресс в новой мировой системе может быть достигнут прежде всего за счёт компромисса. Суть проблемы, однако, в том, что сама Америка пока не готова к компромиссам. Как пишет Ф. Закария, США остаются единственной страной, оценивающей политику других государств с позиции хорошо либо плохо. Не стоит забывать и о том, что неконтролируемые миграционные потоки разрушают американскую цивилизацию изнутри, подрывают её способность к активным действиям на внешнеполитическом поле.

⁴ Zakaria F. The post-American World. P. 27.

Футурологи отмечают, что сегодня мир является свидетелем становления всемирной индустриальной цивилизации и что её политэкономические основы не ставятся под сомнение⁵. Бросившие вызов Америке и *Pax Americana* силы, т. е. общества и государства мирового большинства, пытаются сделать свою индустриальную цивилизацию более жизнеспособной, чем американская. Ф. Закария, в частности, писал: «Беспрецедентный экономический рост породил беспрецедентные социальные изменения. Китай спрессовал два века индустриализации Запада в свои три десятилетия»⁶.

Государство с активно работающим рыночным механизмом и одна из двух наиболее населённых стран мира – это новый вызов Соединённым Штатам, вызов, с которым Америка ранее не сталкивалась и к которому оказалась, что наглядно продемонстрировали события и процессы первого десятилетия XXI в., неподготовленной. Ещё в начале столетия аналитики отмечали: судьба Америки как ведущей мировой державы будет зависеть от способности американцев слушать и слышать других и – в более широкой перспективе – жить в мире, который уже не принадлежит только им.

Сегодня видно, что новая парадигма мирового развития формируется при жёстком противодействии сил «старого порядка» (или «порядка, основанного на правилах») давно назревшим глобальным переменам. Силы прошлого возглавляет Амери-

ка, и для коллективного Запада это действительно «последний и решительный бой». Спектр воздействия на мировую ситуацию, в свете переживаемых Западом финансово-экономического и энергетического кризисов, сузился при одновременном расширении сферы действия североатлантических структур (в том числе и в зону АТР – «восточное НАТО») и создания по возможности всемирной системы противоракетной обороны.

Цель американцев очевидна: искусное манипулирование действием двух этих факторов должно, по мнению американских стратегов, маргинализировать основную часть мирового большинства, заставить основную часть человечества смириться с «либеральным» мировым порядком. Понятно, что «вассализация» России выступает важным элементом подобного стратегического замысла. Интересно, что похожая участь уготована и Китаю, проявляющему всё новые признаки самостоятельного мирополитического поведения.

Так, угрозы бойкота Олимпиады-2008 добавили руководству КНР сомнений относительно истинных мотивов и целей Запада в отношениях с Поднебесной. Объективно подобная тактика США (никак не получается назвать такую линию поведения *стратегией*) стимулировала дальнейшее сближение Пекина и Москвы на почве противодействия «североатлантической цивилизации». Политика США уже тогда указывала на необходимость скорейше-

⁵ Khanna P. The Future is Asian. Global Order in the Twenty-First Century. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2019. – 433 p.

⁶ Zakaria F. The post-American World. P. 97.

го оформления Россией двуединой линии – форсированной модернизации экономики с определяющим участием научно-технических факторов (*soft power*) и неотложного создания высокотехнологичных систем вооружений, способных обнулить реальные и потенциальные угрозы национальной безопасности России (*hard power*).

При оценке возможных намерений США мировому большинству всегда необходимо помнить: Америка столкнулась с перспективой утраты своего исключительного геополитического статуса, по сути дела, впервые в своей истории; уже одна теоретическая возможность потери колоссальных геоэкономических преимуществ может толкнуть политический класс этой страны на импульсивные действия, которые необходимо парировать не риторикой, а всей совокупностью политэкономических и военно-технических средств, находящихся в распоряжении России. Уже в конце нулевых годов было понятно, что в интересах национальной безопасности России необходимо безотлагательно отказаться от обветшавших идей «периферийного капитализма» и твёрдо встать на путь ускоренного, определяемого жёсткими императивами мировой ситуации научно-технического развития.

Сегодня, на исходе первой четверти XXI в., стало очевидно: преобразование американоцентричного мира в содержательную многополярность займёт как минимум десятилетие. Претензии России на превращение в реальный «центр силы» должны быть обоснованы и подкреплены вескими аргументами политической экономии: диверсифицированной индустриальной эконо-

микой с системообразующей ролью новых технологических укладов. Только выполнив это предварительное условие, наша страна сможет, умело сочетая во внешнеполитической деятельности факторы *soft power* и *hard power*, превратиться в одну из несущих конструкций формирующегося многополярного мира.

Формирование постамериканской конфигурации мировой системы распадается на два этапа – до 24 февраля 2022 г. и после.

На первом этапе (примерно к середине 2010-х годов) определились державы и регионы «первой линии» – Бразилия, США, Западная Европа, Россия, Индия, Китай, Япония. Однако эпохи биполярности и особенно «униполярности» (т. е. однополярного мира) ясно показали: устойчивость глобальной системы невозможна без дееспособных и активно действующих субъектов (государств) «второй линии», т. е. региональных лидеров.

В 70–80-е годы прошлого века в науке и публицистике активно обсуждалась проблема региональных центров силы (Бразилия, Нигерия, Южная Африка, Индия, Индонезия и т. д.). Однако жизнь показала: звёздный час региональных лидеров наступает только теперь, когда стало очевидно, что мировая система должна иметь прочные и долгосрочные основания для своей жизнедеятельности. В последнее время процесс кристаллизации новых региональных лидеров претерпел заметное ускорение, что наглядно демонстрирует развитие таких крупных государств, как Турция, Иран, Египет, Саудовская Аравия и т. д.

Общеизвестно, что общества Дальнего Востока и Юго-Восточной

Азии имеют длительную историю экономического роста. Значение обществ Дальнего Востока для мировой политики состоит, видимо, в том, что благодаря эффективному исполнению их стратегии развития модель экспорториентации, олицетворяемая Японией, Южной Кореей и Тайванем, стала своеобразной экзистенциальной парадигмой форсированной модернизации, прежде всего для государств Юго-Восточной Азии. Основными ориентирами модернизации данного региона стали:

- относительно равномерное распределение результатов экономического роста между различными группами населения/социально-политическими силами;

- высокое качество человеческого (знания и умения, способность обратить их в конкретные практические действия) и социального (жизнеспособные «матрицы» межличностных и межгрупповых взаимодействий) капитала, часто преподносимое западной экономической мыслью как «конфуцианские культурные ценности»;

- эффективный этатистский интервенционизм, непротиворечиво соединяющий стратегию и тактику развития, план и рынок, стихийность и сознательность, оптимальное сочетание корпоративных и общесоциальных интересов* и т. п. Государства Юго-Восточной Азии вышеописанный стратегический замысел реализовали с разной степенью эффективности.

«Государство развития», его ответственность стали, очевидно, глав-

ной мерой оценки эффективности юго-восточно-азиатской «имитационной модели». Так, в относительно удачливых Малайзии и Индонезии роль государства рассматривалась как решающая в процессе развития, в Таиланде – как существенная (прежде всего в обеспечении макроэкономической устойчивости общества), тогда как на Филиппинах, «аутсайдере» модернизации в регионе, она справедливо оценивалась как откровенно слабая.

«Имитационная модель» региона ЮВА (по отношению, разумеется, к обществам Северо-Восточной Азии) имела также геополитическое происхождение: она, прежде всего на этапе становления, определялась императивами внешнеполитической стратегии США по «защите» Японии (и других государств Дальнего Востока) и «сдерживании возможной экспансии Китая». Геополитическая составляющая, видимо, и стала одной из главных причин взрывного роста экономик ЮВА; она же, косвенно, предопределила неустойчивость ряда хозяйственных и политических систем региона, особенно в конце 90-х годов прошлого века, хотя и не без влияния международного финансового кризиса 1997–1998 гг. Адаптация хозяйственных систем ЮВА к условиям обостряющихся глобальных и региональных кризисов имела несколько важных последствий, а именно:

- во-первых, Соединённые Штаты и страны Западной Европы постепенно вытесняются с рынков АТР,

* Подобную модель взаимоотношений власти и общества авторитетный американский экономист Ч. Джонсон в начале 80-х годов прошлого столетия пронципально назвал государством развития (*Johnson Ch. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford: Stanford University Press, 1982. – 412 p.*).

поскольку товары этих государств уже не одно десятилетие неуклонно утрачивают конкурентоспособность на азиатском экономическом пространстве. Америка, начиная с администрации Б. Обамы, пытается противостоять этой негативной тенденции; однако процесс «отступления» Запада с азиатских рынков приобрёл скорее всего невозвратный характер;

– во-вторых, действенной реакцией на кризисы глобализации стало появление своеобразного «асаановского концерта»: принятие решений на основе общего согласия, с одной стороны, политически укрепляет экономическую платформу объединения АСЕАН, а с другой – институционально консолидирует группировку АСЕАН, позволяет последней солидарно выступать на всевозможных международных форумах, опираясь и на совокупный экономический потенциал, и на относительно бесконфликтные (в отличие от ЕС, например) отношения между странами – участницами данного объединения. Действуя подобным образом, экономическое объединение АСЕАН превращается в геоэкономическое ядро АТР, что делает сам Азиатско-Тихоокеанский регион главным центром мировой экономической активности и средоточием мировых политических процессов;

– в-третьих, становится очевидным фактом несамостоятельный и зависимый от Соединённых Штатов стиль внешнеполитического мышления правящих кругов Японии, что, строго говоря, ставит под сомнение способность Страны восходящего солнца добиться переформатирования геополитического пространства в данном регионе в своих интересах и в интересах коллективного Запа-

да. Следовательно, «особая» миссия Японии в АТР может быть реализована только при наличии самостоятельной мыслящей политической элиты, которая к новой, независимой от «гегемона» роли явно не готова – как морально, так и интеллектуально. Судьба таких самостоятельно мыслящих и не принятых японским политическим классом личностей, как С. Абэ и Ю. Хатояма, лишь подтверждает известный издавна тезис о «горе от ума»;

– в-четвёртых, постепенно нарастает внутреннее противоречие между стремлением Японии найти для себя удобное место в формирующейся модели региональных международных отношений в АТР, с одной стороны, и незначительностью достигнутых реальных результатов на этом пути – с другой. Можно предположить, что недостаточная эффективность такого рода политической линии связана в немалой степени с восприятием Страны восходящего солнца странами АСЕАН в качестве своеобразного троянского коня внешнеполитической стратегии Вашингтона;

– в-пятых, манёвры американских администраций вокруг идеи и практики Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) в конечном счёте отражают уменьшающуюся дееспособность экономики Соединённых Штатов. Падающая эффективность экономики США косвенно проявляется в режиме санкций и политике протекционизма, что в итоге и привело к отказу от идеи ТТП. При ретроспективном взгляде на нынешние события обнаруживается, что торговые войны, ведущиеся Америкой с 70-х годов, которые эта страна неизменно проигрывает, свидетельству-

ют о регрессивной динамике американской экономики, на что уже более десятилетия обращают внимание влиятельные в этой стране авторы (П. Бьюкенен, П. Шиф и др.⁷).

Так, Демократическая партия, долгое время настаивавшая на безальтернативности идеи ТПП, на выборах 2016 г. отрекалась от некогда привлекательной идеи и в настоящее время проводит агрессивную протекционистскую политику.

Коллективный Запад: точка бифуркации?

Столкаясь с активной политикой стран мирового большинства, коллективный Запад предпринимает энергичные усилия с целью сохранения «старого порядка». Обслуживающие правящие классы Запада политологи и экономисты готовы признать изменения в организации мира. Однако эти изменения должны осуществляться при непременном руководстве золотым миллиардом процессов межстадиального перехода. Заметна тенденция ограничить масштабы перехода от одной модели глобального управления к другой. Структурная трансформация мирового порядка сознательно сводится к нескольким ключевым факторам и тенденциям, которые включают определяемые в самой общей форме:

- экономическую фрагментацию;
- технологические достижения;
- перераспределение ресурсов;
- новые геополитические стратегии традиционных быстрорастущих развивающихся стран и новых блоков по линии «Юг – Юг».

В работах западного «мейнстрима» всё чаще используются политические инструменты для достижения геополитических целей (много-

сторонние торговые соглашения, инвестиционные инициативы, санкции и экономические коридоры).

Так, например, применение экономических санкций западными странами показывает, как экономические меры могут быть использованы для оказания давления и достижения внешнеполитических целей. Одновременно санкционный режим преследует цель нейтрализовать фактор неплатёжеспособности западных экономик, добиться преимуществ средствами, прямо противоположными «святым» принципам свободной торговли.

Трансформация также отражается на меняющемся ландшафте глобального управления, сама идея которого была поставлена под сомнение мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. и событиями 24 февраля 2022 г. и 7 октября 2023 г.^{*}

Коллективный Запад вынужден признать необходимость реформ международных институтов, но это не означает действий по демократизации ориентированных на Запад глобальных и региональных организаций. Отсюда и расплывчатость формулировок, желание получить

⁷ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. М.: АСТ, 2007. – 448 с.; Schiff P.D. The Real Crash: America's Coming Bankruptcy. N.Y.: St. Martin's Press, 2014. – 356 p.

^{*} 24 февраля 2022 г. – начало СВО; 7 сентября 2023 г. – обострение конфликта между Палестиной и Израилем.

время на якобы выяснение интересов и требований развивающихся стран. Кроме того, региональные блоки и многосторонние форумы приобретают для Америки и её союзников всё большее значение как «платформы для решения глобальных проблем», которые служат цели затормозить экономический рост Китая, Индии и других странах мирового большинства. Программы этих форумов и конференций простираются от изменения климата до кибербезопасности, что указывает на отчаянные усилия коллективного Запада сохранить в неизменном виде «порядок, основанный на правилах». Однако новый глобальный баланс сил формируется объективно, т. е. независимо от пожеланий западных элит и их стремления сохранить отжившие порядки.

Возникновение новых полюсов силы в мировой политике за счёт развития геоэкономических процессов, начало которым положил распад СССР и внедрение в ткань международных отношений принципов «вашингтонского консенсуса».

Логика этих процессов выглядела примерно так: страны мирового большинства, внимательно наблюдавшие за поединком Советского Союза и Америки и взаимным обесцениванием сверхдержав, при западноцентричной модели глобализации (одной из основ которой стало выведение промышленности из «исторического Севера» на глобальный Юг), резко двинулись вперёд, получив мощный политэкономический ресурс западной промышленности. Расхождение темпов экономического роста между Севером и Югом имело неизбежным следствием перегруппировку сил в мировой экономике и политике, в результате кото-

рой мировое большинство решительно заявило о своих интересах и желании их защищать.

Пытаясь сохранить свои позиции в международной системе, коллективный Запад искусно маневрирует; цель этих манёвров – удержать мировое большинство в орбите своего влияния. Западные авторы используют категории современной геоэкономики и подчёркивают стратегическое использование экономических инструментов в геополитическом контексте. Категория геоэкономики ставит своей целью закамуфлировать неравноправный характер современных международных отношений, скрыть решающее значение принципов справедливости и равноправия для анализа международных отношений, экономической политики и проблем глобальной безопасности. Этот подход сочетает экономическую политику, практику и цели с геополитическими стратегиями, направленными на достижение более широких целей коллективного Запада, а именно сохранение стран мирового большинства в подчинённом положении. Однако подобные усилия Америки и её стратегических союзников наталкиваются на трудности объективного характера. Главная трудность коллективного Запада кроется в растущей неплатёжеспособности его хозяйственных систем.

Причины «бегства от Запада» имеют фундаментальный характер. Неплатёжеспособность западных экономик берёт начало в 60-х годах прошлого века. В 70-х годах Запад вступил в период длительного спада (низкие темпы роста и затяжное замедление динамики реального сектора экономики). В 80-е годы доля производственного сектора в хозяй-

ственных системах ядра западного мира начала зримо сокращаться, а к 2019 г. удельный вес промышленного кластера хозяйства составлял 8,8% в Великобритании и 11,1% в США⁸.

Сопрягая деградацию производственного сектора в западных экономиках с геополитическими возможностями Америки и её союзников, академик Н.А. Симония писал в 2011 г.: «Несмотря на старания мощной американской пропагандистской машины и многих зарубежных и отечественных экспертов, ... "сверхдержавность" США принадлежит уже историческому прошлому, является наследием или пережитком этого прошлого. Перспектива же для США – это трансформироваться в первую, но среди равноправных, держав мира. Все попытки доказать обратное усилением военных аспектов своего могущества на международном поприще не приносят никакого успеха, оказываются неэффективными, но высокочрезвычайными, и поэтому могут лишь усугубить и без того незавидное положение США как крупнейшего должника мира»⁹.

Однако коллективный Запад, прежде всего его глобалистские элиты, всячески пытаются оттянуть конец эпохи «порядка, основанного на правилах». В их распоряжении пока остаётся некий набор важных геополитических инструментов.

Стратегическая экономическая политика. Страны Запада используют экономическую политику как инструмент геополитической стратегии, включающей в себя: торговую политику, неравноправные тарифы, экономические санкции, контроль над природными ресурсами, инвестиционные и валютные манипуляции.

Данные инструменты систематически используются для оказания экономического давления на суверенно действующие государства для поощрения лояльных Западу стран и их правящих групп, наказания противников или создания ситуаций зависимого развития.

Например, санкции против таких стран, как Иран и Россия, направлены на то, чтобы повлиять на их внешнюю и внутреннюю политику, ограничить их экономическую активность в международной системе.

Экономическое управление. Эта категория подразумевает использование экономических средств для достижения геополитических целей. Инструментарий экономического управления включает в себя стратегические (т. е. отвечающие интересам Запада) инвестиции в инфраструктуру развивающихся стран.

Альтернативные проекты, такие как китайская инициатива «Один пояс – один путь» (*BR1*), которая расширяет влияние Китая в Азии и Африке и Европе за счёт развития торговых маршрутов и инфраструктурных проектов, открыто отвергается и подвергается попыткам замораживания.

Аналогичным образом США долгое время препятствовали развитию российско-иранско-индийского проекта «Международный транспортный коридор Север – Юг».

Помимо этого, Соединённые Штаты и Европейский союз используют экономическую помощь и инвестиции как инструмент для усиления своего влияния в разви-

⁸ Володин А.Г. Возвращение развития: полицентрический мир в поисках новой экзистенциальной парадигмы // Вестник РАН. 2023. Т. 93. № 11. С. 1028.

⁹ Симония Н.А. Догоняющее развитие в эпоху глобализма // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 11.

вающихся странах. На официальном языке американской дипломатии такая внешнеполитическая линия именуется созданием альянсов и поддержкой/продвижением демократии.

К категории экономического управления относится и политика США по ослаблению своих геоэкономических и геополитических конкурентов.

В настоящее время к таковым относится в первую очередь Китай. В качестве противовеса Поднебесной используется Индия, куда начинают переноситься производства высокотехнологичных циклов из КНР.

Насколько действенной будет такая политика, покажет время.

Глобальные цепочки поставок. Стратегическая важность для Запада глобальных цепочек поставок стала очевидной после пандемии COVID-19 и современной геополитической напряжённости, не имеющей тенденции к снижению.

Положение коллективного Запада определённо осложняется тем обстоятельством, что в настоящее время страны-производители проводят переоценку своей зависимости от иностранных поставщиков критически важных товаров, таких как товары медицинского назначения, полупроводники и т. д. Приходится учитывать, что значительная часть стратегически важных товаров в настоящее время производится в странах глобального Юга и Востока; страны мирового большинства начинают расширять и уплотнять кооперационные связи, стараясь уменьшить свою зависимость от внешних игроков, которая проявилась в последние несколько

лет. По представлениям авангарда мирового большинства (таких стран, как Бразилия, Китай, Индия и др.), переход к переориентации или диверсификации цепочек поставок создаёт реальные предпосылки для защиты национальной безопасности на реальной, политической экономической основе.

Энергетическая геополитика. Энергетические ресурсы продолжают оставаться центральным элементом геоэкономики, где контроль над нефтью, газом и во всё большей степени редкоземельными элементами и возобновляемыми источниками энергии играет решающую роль в динамике глобального развития.

Энергетическая независимость или её отсутствие может существенно повлиять на действенность геополитических инструментов влияния (которые уходят из-под контроля Америки и её союзников) и устойчивость моделей экономического развития не только развивающихся, но и развитых стран. Переход к возобновляемым источникам энергии («зелёный переход») также меняет геополитический ландшафт мира, создавая новые возможности и вызовы как для традиционных энергетических компаний, так и для развивающихся рынков.

Основная линия стран мирового большинства (отражающаяся в решениях БРИКС, например) сегодня направлена на национализацию энергетических ресурсов и повышение их стоимости для решения жизненно важных проблем развития стран глобального Юга и Востока. Подобная линия негативно влияет

на тонус развития западных экономик и вызывает их открытое противодействие.

Цифровая геополитика. Цифровая экономика стала краеугольным основанием геэкономических стратегий стран Запада, всё более отстающих в своём развитии от наиболее продвинутых обществ Востока, в частности Китая и Юго-Восточной Азии. Поэтому контроль над банками данных, цифровой инфраструктурой и технологическими стандартами приобретает для Запада, пытающегося затормозить экономический рост Востока (отнюдь не только Китая), решающее стратегическое значение.

Аналогичным образом борьба за ускользающее технологическое превосходство в таких областях, как 5G, искусственный интеллект и квантовые вычисления, рассматривается как неотъемлемый элемент национальной безопасности и международной конкурентоспособности.

Такого рода мотивами определяется, например, инициатива Общего регламента Евросоюза по защите данных (GDPR), способная влиять на характер международных потоков «чувствитель-

ной» информации и удобные для Запада стандарты конфиденциальности.

Многосторонность против двусторонности. Для коллективного Запада использование наднациональных экономических институтов имеет концептуальное значение, поскольку до недавнего времени позволяло контролировать международную систему посредством так называемого глобального управления. Однако в последние несколько лет под воздействием регионализации наблюдается заметный дрейф стран мирового большинства в сторону активного развития двусторонних соглашений и формирования региональных блоков, поскольку переходные общества стремятся защитить свои интересы посредством контролируемых национальными средствами экономической защиты, а потому более выгодных соглашений. Этот сдвиг бросает вызов существующим основам глобального управления и может иметь следствием, как утверждают западные элиты, более фрагментированный (т. е. неподконтрольный Западу) глобальный порядок.

Геополитическая материализация стран-гигантов: Китай, Индия

Длительную историю экономического роста имеет **Китай** народное хозяйство которого поступательно изменялось. Возвышение Китая как экономической сверхдержавы влияет на международную политику, торговые связи и геополитические стратегии как Запада, так и других стран. В сущности, КНР предлагает

альтернативную модель развития и управления, представляющую собой антитезу традиционным западным парадигмам «либеральной демократии» и «свободного рынка». По мере того как Китай продолжает наращивать мощь и влияние, его отношения с соседними странами, развивающимися рынками и мировыми держа-

вами эволюционируют, что приводит к появлению новых альянсов, влияющих на динамику международных отношений.

Любые значимые действия «первой экономики мира» имеют серьёзные последствия для глобальной торговли, безопасности, управления и культурных связей между государствами. То, как Китай решает свои внутренние проблемы и международные отношения, существенно влияет на будущий контекст расстановки сил в мире.

Экономическая трансформация **Индии** стала устойчивым восходящим трендом. Благодаря наличию значительного количества населения молодёжных демографических когорт (18–35 лет), поступательному развитию кластера информационных технологий, а также зрелости и устойчивости политической системы, укрепившемуся после 24 февраля 2022 г. положению в глобальной политике, Индия теоретически может сыграть ключевую роль в формировании будущего мироустройства. Однако Дели может в полной мере реализовать свой геоэкономический и геополитический потенциал лишь при условии решения проблемы дисбалансов и диспаритетов социально-экономического развития, а равно и сохранения «стратегической автономии» в мировой политике.

Особенностью современного этапа развития мира стало такое явление, как соединение во времени и пространстве энергичного экономического роста стран-гигантов (Китая и Индии), с одной стороны, и «пробуждения угнетён-

ных», т. е. психологического укрепления мирового большинства (глобального Юга), общества которого начинают всё более настойчиво определять и отстаивать свои интересы – с другой. Борьба мирового большинства за новый, самостоятельный путь развития, по сути дела, является историческим продолжением Движения за новый международный экономический порядок, зародившегося в 1964 г.

В последнее десятилетие произошли заметные сдвиги в мировом хозяйстве. Сдвиги эти имели место потому, что во многих странах глобального Юга наблюдается энергичный экономический рост, трансформирующийся в развитие (т. е. в распространении его результатов на всё общество). Данной тенденции благоприятствовало несколько факторов, основные среди них следующие.

Технологические достижения. Быстрое развитие технологий и их естественное и массовое восприятие позволило странам глобального Юга в ускоренном режиме миновать традиционные (т. е. характерные для Запада на более ранних этапах его исторической эволюции) этапы развития и распространить инновационные решения социально-экономических проблем на ведущие секторы экономики, такие как, например, мобильный банкинг, использование возобновляемых источников энергии, электронная коммерция и т. п.

Демографический дивиденд. В некоторых странах глобального Юга в составе населения преобладают молодёжные демографические когорты (возраст 18–35 лет). Для общества данные группы теоретически могут

стать демографическим дивидендом, т. е. силой, способной естественным образом ускорить экономический рост. Подобные прогрессивные сдвиги в социально-экономической политике будут возможны как следствие общей стратегии развития, предполагающей целевые инвестиции в человеческий капитал (образование, здравоохранение и создание новых рабочих мест современного индустриального и научно-технического профиля).

Таким образом молодёжь может стать своеобразным стимулятором современного экономического роста и инновационной деятельности.

Контроль над природными ресурсами. Многие страны глобального Юга богаты природными ресурсами, включая полезные ископаемые, энергоносители и плодородные почвы. Национализация и эффективное использование природных ресурсов способствует не только ускорению экономического роста и развитию, но и укрепляет позиции мирового большинства в глобальной системе межгосударственных отношений.

Несмотря на сохранение бедности, имущественного неравенства и политической нестабильности, глобальный Юг превратился в значительную экономическую силу на мировой арене. Страны мирового большинства, решая свои внутренние проблемы, повышают собственный политэкономический потенциал. Отстаивая свои интересы, они тем самым превращаются в весомый фактор мировой политики.

Влияние коллективного Запада на мировую финансовую систему остаётся значительным, поскольку оно покоится на предшествовавшей истории неокOLONиальной эксплуатации, а также на военно-политической мощи Америки¹⁰. Однако это могущество рассеивается по мере того, как многочисленные новые силы вовлекаются в движение за новый справедливый полицентрический мировой порядок.

Сотрудничество по линии Юг – Юг. Сегодня наблюдается растущая тенденция к укреплению горизонтальных связей внутри мирового большинства, т. е. расширяется и диверсифицируется сотрудничество между странами глобального Юга. Такого рода сотрудничество приводит к оформлению политических альянсов, заключению торговых соглашений, инвестиционному партнёрству и обмену знаниями на независимой от коллективного Запада основе, что укрепляет позиции мирового большинства в историческом диалоге Север – Юг.

Урбанизация и развитие инфраструктуры. Упорядочение быстрой урбанизации (сверхурбанизации) и целевые инвестиции в инфраструктуру, в частности, в развитие транспортных сетей, телекоммуникаций и энергетических систем, стимулируют экономический рост за счёт улучшения связей в народном хозяйстве, эффективности его внутренних механизмов и расширения доступа к рынкам (в широком смысле).

¹⁰ Садыхов П. Госдолг США: состояние и перспективы // Международная жизнь. 2024. № 1. С. 88–97.

Библиография • References

- Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада / пер. с англ. М.: АСТ, 2007. – 448 с.
[*B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada* / per. s angl. M.: AST, 2007. – 448 s.]
- Володин А. Г.* Возвращение развития: полицентрический мир в поисках новой экзистенциальной парадигмы // Вестник РАН. 2023. Т. 93. № 11. С. 1019–1031.
[*Volodin A. G. Vozvrashchenie razvitiya: policentricheskij mir v poiskah novoj ekzistencial'noj paradigmy* // Vestnik RAN. 2023. T. 93. № 11. S. 1019–1031]
- Садыхов П.* Госдолг США: состояние и перспективы // Международная жизнь. 2024. № 1. С. 88–97.
[*Sadyhov P. Gosdolg SSHA: sostoyanie i perspektivy* // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2024. № 1. S. 88–97]
- Симония Н. А.* Догоняющее развитие в эпоху глобализма // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 423 с.
[*Simoniya N. A. Dogonyayushchee razvitie v epohu globalizma* // Chto dogonyayet dogonyayushchee razvitie. Poiski ponyatiya. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011. – 423 s.]
- Симония Н. А.* Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, 1984. – 581 с.
[*Simoniya N. A. Evolyuciya vostochnyh obshchestv: sintez tradicionnogo i sovremennogo*. M.: Nauka, 1984. – 581 s.]
- Johnson Ch.* MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford: Stanford University Press, 1982. – 412 p.
- Khanna P.* The Future is Asian. Global Order in the Twenty-First Century. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2019. – 433 p.
- Schiff P. D.* The Real Crash: America's Coming Bankruptcy. N.Y.: St. Martin's Press, 2014. – 356 p.
- Zakaria F.* The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y.: W.W. Norton & Company. – 301 p.
- Zakaria F.* The post-American World. N.Y.; L.: W.W. Norton, 2008. – 292 p.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2024 г.